

ГЛАВА 1

В квартире пахло жареной курицей. Я почувствовала ненавистный запах еще на площадке перед дверью, зажала нос и постаралась как можно тише проскользнуть к себе в комнату, пока меня не засекала Тоня. Я научилась бесшумно удирать из квартиры и незаметно возвращаться. Утром, пока родители еще спали, я в одних носках, как на коньках, скользила по гладкому паркету, зажав туфли в руке. Потом, будто взломщик, по миллиметру всовывала ключ в замочную скважину и, почти не дыша, приоткрывала входную дверь. Тут тоже имелись свои секреты: дверь надо было слегка приподнять и только потом медленно открывать, иначе она могла предательски скрипнуть.

А сейчас мне предстояло, наоборот, тихо вернуться из школы. Движения отточены, слух натренирован: хоть в джеймсы бонды подавайся. И вот я в своем логове. Можно перевести дух, плюхнуться на диван и лежать, уперев ноги в стену. На полках — фэнтези, на стенах — плакаты, над столом — фигурки из «Властелина колец» и герои Миядзаки. Ну, привет, Мононоке, давно не виделись. Если меня сейчас увидит прабабушка — в школьной одежде, на кровати с задранными ногами, — то будет торнадо. Или ураган Тоня. А сейчас Тоню злить нельзя, потому что у кого еще просить денег? Родители вернутся из своей Москвы только к концу недели, до бабушки не доехать. Остается один-единственный вариант — Тоня. Она, конечно, сейчас же начнет расспрашивать, что, да как, да кому это надо. А потом будет осуждать: мол, сами виноваты. Можно подумать, кто-то застрахован...

По правде говоря, поначалу я и сама подумала, что Ромкины родители виноваты, но потом увидела его маму.

***

Мы с Ромкой никогда не дружили, просто перекидывались парой фраз на уроках, потому что сидели вместе, и несколько раз созванивались, да и то лишь потому, что англичанка задавала диалоги на дом. У нее была идея фикс, что класс надо сдружить, что это полезно для языкового общения, вот она и придумывала всякие задания, которые хочешь не хочешь, а приходилось делать сообща. До сегодняшнего дня я вообще про Гаврилова ничего не знала: где живет, есть ли у него братья-сестры. А сегодня он явился в школу без портфеля — и сразу к учительнице. Он говорил очень тихо, а вот Марина Владимировна аж вскрикнула:

— Да ты что?! Ромочка, какой кошмар. Иди, конечно.

Как только Гаврилов ушел, все вопросительно посмотрели на классную.

— Беда у них, ребят. Ромкина сестра вывалилась из окна. Невысоко, первый этаж, но голову поранила. В общем, она в больнице, без сознания.

Класс застонал, а потом загудел. Кто-то выкрикнул с задней парты:

— Ромкиной сестренке три года ведь? Никто не смотрел, что ли?

— Да эти мелкие везде лезут, за ними не усмотришь.

— А если бы это десятый этаж был?!

— Может, чем помочь надо? — спросила Соня Певченко.

— Может, и надо, — задумчиво сказала Марина Владимировна. — Я позвоню после урока Роминой маме, спрошу.

А после уроков был незапланированный классный час.

— Значит, так, — сказала Марина Владимировна, — помощь нужна. Материальная. Поэтому мы сейчас в школе объявление повесим и напишем счет, на который можно деньги для Роминой семьи переводить. Ситуация, ребят, аховая: Леночке, Роминой сестре, сделали рентген головы — обнаружили отек. Вы же знаете, у нас в городе больница не очень оснащенная, надо в центр везти к хорошим специалистам. А на это, сами понимаете, нужны деньги. Так что вы дома поспрашивайте, может, кто-то сможет помочь. И еще. Вы же у меня люди компьютерные, в интернете все сидите? «Вконтакте», там, «инстаграм», «вотсап»? Сможет кто-нибудь объявление разместить? Соня? Вадим? Вот только Ромина мама справки от врачей скопирует, чтобы их вместе с объявлением выложить, а то сейчас столько жуликов развелось, Господи, помилуй.

Уже на лестнице я столкнулась с Ромкиной мамой. Правда, я не знала, что это она, но сразу почему-то догадалась. Может, потому что она сжимала какие-то бумажки, а может, потому что чем-то смутно напоминала Ромку. Точнее, это, наверное, Ромка напоминал ее.

— А где здесь седьмой «В»? — тяжело дыша, спросила она, схватившись за перила. — Я к Марине Владимировне.

В кабинет я за ней, конечно, не пошла, осталась у двери. Голос Ромкиной мамы то взвивался вверх, то был почти не слышен, и до меня долетали только отдельные слова.

— Прямо головой... говорят, отек... на минуту отвернулась... я квартиру продам, только бы спасли...

Было как-то неловко стоять там и подслушивать — казалось, что лезешь в чужую беду, которая хоть и рядом совсем, а все равно тебя не касается. Где бы достать денег, вот в чем вопрос... С мамой еще можно договориться, но мама далеко. Уезжая, она мне сказала:

— Стася, присматривай за бабушкой, а то она может чудить.

Я бы, может, и восприняла это всерьез, но потом услышала их разговор с Тоней:

— Присматривай за Стасей, пока нас не будет; у нее переходный возраст.

ГЛАВА 2

Я лежала в комнате и думала, что надо пойти и поговорить с прабабушкой. Не монстр ведь она. Хотя да, суровый вид Тони мог напугать кого угодно. И как только у такой маленькой пухлой старушки мог быть такой колюще-режущий взгляд? Ростом Тоня даже меньше меня, хотя и я не гигант, прямо скажем. Про таких говорят «метр с кепкой», но у нее была удивительная особенность: даже на громадного собеседника Тоня умудрялась смотреть как бы свысока. Мама говорит, это от того, что бабушка всю жизнь начальницей проработала и, хотя она уже двадцать лет на пенсии, взгляд сохранился. Под этим взглядом в сочетании с поджатыми тонкими губами и острым, «лисий» носом хотелось присесть в глубоком реверансе и сказать: «Слушаюсь, Ваше Величество!» Кстати, какое-то неуловимое сходство с английской королевой у нее тоже имелось. Даром, что ли, они в один год родились?

— То-о-о-ня, — позвала я громко, потому что слух у нее в последнее время становился все хуже.

В кухне клубился туман от пытящих кастрюль и шипящей сковородки. Прабабушку не сразу заметишь здесь. Но вот она вынырнула, как ежик из тумана, и схватилась за сердце:

— Стаська! Напугала! Я чуть всю перечницу в суп не сыпанула. Разве можно так подкрадываться?

С чего начать разговор? Как вообще начинают подобные разговоры?

— Тоня, а ты не могла бы у родителей попросить для меня денег? — я решила начать с места в карьер.

И присела на табуретку, съжившись, как перед уколом, в ожидании бабушкиного вердикта.

Бабушка насторожилась и открыла форточку.

— Денег? Ты хочешь что-то купить?

Конечно, я могла и соврать. Сказать, что да, мне просто позарез нужны сережки, коньки, интернет-игра, в конце концов. Кстати, именно игра спасла бы положение — не надо было бы отчитываться и демонстрировать коньки. Если бы я только могла соврать! Но в том-то и дело, что я не могла, не умела, сколько раз ни пыталась, все равно сама себя выдавала. Наверное, это у меня какой-то физический дефект. Стоило соврать, как тут же начинала кружиться голова, лицо покрывалось пятнами и горело, а я признавалась, что сказала неправду.

— Не совсем, — протянула я уклончиво, — надо помочь одному человеку.

Я видела, как переменилась бабушка, будто маску надела. Ее лицо стало непроницаемым, губы вытянулись в тонкую линию, а взгляд, который минуту назад был любопытным, стал пустым и чужим. Ну, вот и все.

— Кому? — холодно спросила она.

Я уже понимала, что это бесполезно, но все-таки вяло рассказала про Леночку, про срывающийся голос Ромкиной мамы в кабинете Марины Владимировны, про непривычно тихого Ромку.

— Совсем родители за детьми не следят, — помешивая суп, сказала бабушка. — Бедный ребенок, как пить дать инвалидом останется, если вообще выживет.

Я с надеждой вскинула голову: может, я ошиблась и бабушка поможет?

— Им деньги нужны на обследование, — напомни-ла я тихонько.

— Ну, вот пусть теперь и ищут спонсоров, раз не смогли ребенка уберечь.

Конечно, я ждала такого ответа, но все равно не выдержала.

— Как ты можешь? Это же несчастный случай! А если бы это со мной? Да и вообще ты всегда меня учила быть доброй, помогать близким.

— Вот именно: близким, — повысила голос бабушка. — А много ты близким помогаешь? Давно посуду последний раз мыла? А в магазин я тебя сколько раз просила сходить? Что ты отвечаешь? Занята! Уроки! Хорошо быть добренькой за чужой счет: родители должны вкалывать с утра до вечера, а ты будешь деньги кому попало раздавать?

Я буквально задохнулась то ли от несправедливости, то ли от тяжелого куриного запаха.

— При чем тут это? Люди в беде! И не кто попало. А Ромкина сестра!

— Людям твоим головой надо было думать. А не ждать помощи теперь. Проще простого ходить и побираться. Я никогда ни у кого не просила денег! И никто мне никогда не помогал. Только наоборот.

— Поэтому и не помогали, что ты жестокая, — я уже кричала на весь дом, — ты злая, ненавижу тебя!

Я схватила тарелку и швырнула на пол, осколки разлетелись по всей кухне, но этого мне показалось мало, хотелось как-то наказать бабушку, и я сжала ладонь с осколком. Пусть кровь, пусть Тоня видит, какая она

жестокая. Я сдернула с вешалки куртку и выскочила за дверь. Теперь я не старалась закрыть ее бесшумно — наоборот, шарахнула так, что штукатурка посыпалась.